

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

НОСФЕРАТУ

Пьеса в одном действии из цикла «Кренделя»

г.Екатеринбург

2003 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
АМАЛИЯ НОСФЕРАТУ
ВОРОНА
Некто ОН - или есть, или его нет

Двухкомнатная квартира, второй этаж. Наши дни.

В «берлоге» у Амалии Носферату, несмотря на то, что на улице лето, жара, душно – темно, холодно и прохладно. Окна плотно занавешены. Одна полоска дневного света видна на полу у балкона – дверь, дверь туда, на балкон, открыта и плотная занавеска иногда чуть-чуть шевелится от тёплого воздуха с улицы. На улице трамваи гремят через каждые три минуты. Полдень, а в квартире горит лампа под потолком: три рожка, засиженные мухами, направлены вниз.

Слева - старинный с резьбой шкаф для вещей, рядом такой же основательный и старый книжный шкаф, у балкона письменный стол с толстыми резными ножками, на нём – огромный до потолка фикус. У фикуса каждый блестящий, лощёный лист со сковородку, фикус растёт в старой кадучке, обхваченной обручами. За фикусом в углу к потолку подвешена куполообразная клетка, в которой сидит старая, гадкая чёрная ворона. Ворона время от времени просыпается и то принимается каркать, то вдруг грязно матерится, приводя хозяйку квартиры в бешенство. Впрочем, в их взаимоотношениях трудно разобраться – тут что-то и от ненависти есть, и от любви.

В центре комнаты на полу протёртый до дыр ковёр – когда-то на нём резвились райские птицы, а теперь перья с птиц облетели, пооблезли и похожи птицы на тощих куриц, которых выращивают на местной птицефабрике. Справа у стены продавленный диван, над ним портреты в рамках. У дивана стоит низкий письменный столик, ноги которого разъехались, будто это телёнок на льду. Столик забит пузырьками и коробочка с лекарствами. Короче говоря, не квартира, а склад мебели.

Она, хозяйка, АМАЛИЯ НОСФЕРАТУ, стоит в центре комнаты, опираясь на клюку. Выглядит Амалия как баба-Яга, но держит себя, как царица Нильская, несмотря на то что она в старом синем штопанном не единожды трико, в вязанной мохнатой мохеровой кофте. Она похожа на какого-то степного зверька, какого-то суслика, который не убежал почему-то от людей, а стоит и смотрит на них – и бесстрашно, и пугливо вместе с тем. Но ногах у Амалии тёплые тапочки в виде зайца. Амалия в ярко-белом парике. У Амалии вставные зубные протезы, которыми она с трудом управляет, чтобы они не вылетели. Голос у Амалии скрипучий, сильный.

Амалия разговаривает с каким-то человеком, который сидит в кресле, а кресло повернуто к балкону и человека не видно. А может, там и нет никого. В продолжении всего своего монолога Амалия почти не ходит по квартире. Она всё стоит на месте, чуть перекосившись, опирается на свой костыль – одно плечо выше другого, смотрит в одну точку, говорит, иногда помогая себе свободной от костыля рукой. У неё сил нет, наверное, а может, она так всегда делала, и молодой когда была. Впрочем, наверное, она никогда не была молодой - есть такие люди, которые, войдя в один какой-то возраст, не меняются, остаются такими скрюченными до гроба, и только могила их выпрямляет. Амалия – из таких.

АМАЛИЯ (*сипит, скрипит, шамкает*). У меня наверху, над соседями, ещё соседи – богатый-и-и. Я была во дворе в прошлом году, мне рассказали. Ну вот. Кто-то у них украл духи. Подумали на проститутку. Приходили к ним один раз проститутки эти. Нашли проститутку. Повезли проститутку на кладбище, вырыли могилу, посадили туда, ну - пытали так, чтоб открылись проститутки, чтоб сказали - где духи. Они - нет. Плачут и – нет. Подумали тогда на ихнюю в доме уборщицу. Уборщица говорит: «Я же с двумя высшими я образованиями! Как вам не стыдно?! Как я буду я красть, как я могу я с таким я статусом, подумайте, я, бессовестные?!» Поверили. Подумали на свою дочку. Дочка говорит: «Кому я буду дарить женские духи?! Я заработаю, если мне надо духи!» Так духи и не нашли. Пропали духи. Как они там горевали наверху, как плакали, тут слышно было. Хоть и богатый-и-и, а держатся за своё богатство, не хотят никому ничего раздавать, как я вот – дура, раздай-беда, вас вот позвала, всё отдаю своё накопленное годами, и куда? В облдрамтеатр! Ну и название. Хуже бани. Эх, дура, я, дура я, у него четыре дуры, а я дура пятая, ииии-эээхххх!

Ворона прыгает по жерди, клювом кусает железные прутья, треск стоит такой, что, кажется, прутья вот-вот лопнут.

ВОРОНА. Гоша умерrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrr!

АМАЛИЯ (*помолчала*). Ну вот что вот с ней сделать, скажите, а? На мыло ее сдать? (*Кричит, стучит клюкой по полу*). Хальтен зи битте Мауль! Хальт Мауль, тебе говорят, ну?! (*Пауза, улыбается*). Значит, вы – постановщик из облдрамтеатра? Ну да. Я же вас сама вызвала. В маразме, дура. Правильно. Значит, такой сюжет для сценария премьеры новой постановки спектакля в облдрамтеатре не подойдет? Ну, про духи? Про проституток, про кладбище? Хотела вам продать сюжетец этот – очень современный. Нет? Ну, правильно – как вырыть в театре могилу, чтоб туда проститутку посадить. Не выроешь. Да и где в театре проститутку найдешь. Нет?

ВОРОНА. В Горках знал его любой! Старrrrrрики на сходки звали! Дети поrrrrррросту, гурrrrrрьбой! Чуть завидя, обступали!!!!

АМАЛИЯ. Да едрит твою дивизию, хальтен зи битте Мауль, говорю, ну?! (*Пауза, снова улыбается*). Это она на колбасу захотела. Она много знает наизусть. Откуда – не знаю. Нахваталась на улице, видать, когда ещё жила. Может, она в какой школе жила, в детдоме, в приюте в каком – не говорит. Я её этому не учила. Она сама. Может, дети её и научили. Выпустить её боюсь – начнёт с кем-нибудь на улице разговаривать, кондратий хватит сразу человека. Она много знает наизусть. Это – «Ленин и печник». Не знаете? Я знаю. (*Кричит*). «Был он болен! Выходил на прогулку ежедневно! С кем ни встретится, любил поздороваться душевно! За версту – как шел пешком, мог его узнать бы каждый! Только случай с печником вышел вот какой однажды!» (*Пауза*). Я и сама могу артисткой в облдрамтеатре. Нет?

ВОРОНА. Гоша умерrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrr!

АМАЛИЯ. Это она перед вами все свои таланты показывает. Хальт Мауль, я сказала?!

ВОРОНА. Я думал, ты чиста, как та слезинка, скатываясь вдррруг! А ты, как малая монета, прошла уж через много рrrрук! Я думал, ты хорrrррошая подруга! Я думал, ты умеешь понимать! Я думал, ты оценишь чувства дrrrrrrруга! А ты?! Ты оказалась просто б

АМАЛИЯ. Молчааааааать, сказала?! Хальт Мауль!

Схватила большой чёрный платок, проковыляла в угол, накрыла клетку платком. Ворона поверчала и умолкла. Амалия тяжело дышит. Поправила кофту, погрозила кулаком вороне, снова вышла в центр комнаты.

Вот так тебе. Позорит перед людьми. (*Пауза*). Она понимает только по-немецки. «Хальтен зи битте Мауль» – означает: закройте, пожалуйста, своё гнилое хайло. Ага. Вот. (*Пауза*). Итак, значит, вы постановщик из облдрамтеатра? Я должна отдать вам вещи. Для вашего театра. У меня много ценных вещей. Отдаю. Бесплатно. Мне не надо уже. Итак, для вашего театра, вот что у меня заготовлено на выброс.

Открыла дверцы шкафа, выкидывает оттуда что-то на пол, какие-то тряпки.

Муж умер ровно тридцать три года назад, как раз в этот день, пятого июля, в мои именины. (*Пауза*). Где это кто-то уже говорил? Не помню. (*Быстро роется в вещах*). Вот. Умер. Сделал подарок. Спасибо. На похоронах меня спросил кто-то: «От чего он умер?» Я сказала: «От злости». Он пил, бил меня в живот ногами. Как я сына родила – не понимаю. Но больше родить не смогла. Постарею еще немножко и уеду отсюда на родину. В Москву, куда же еще. В Москву, в Москву, в Москву. Ненавижу этот город, эту квартиру, хоть прожила тут всю жизнь.

Ненавижу всей душой. Нас было три сестры. «Отец умер ровно год назад, пятого мая, как раз в твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не переживу, я лежала в обмороке, как мёртвая». *(Смеётся)*. А-а. Вот откуда. Ну да. Сто лет назад они лежали, как мёртвые, а я – нет. Всё, всё. Вспомнила. Те умерли давно, осталась я одна. Но я ещё не скоро, не ждите. Мы были прапраправнучки жены декабриста. Не буду называть его, декабриста долбанного, фамилию. Слишком известная. Моя – Носферату. Фамилия ничего. Амалия Носферату. Между прочим, фамилия редчайшая, иностранная. Не склоняется. Был такой вампир Носферату. Впрочем, может и есть. Гордиться, что мой родственник декабрист незачем и нечем. В семье известно, что декабрист наш любил, как это по-русски, ля мур де труа, понимаете? Нет, иначе называется это. Поклонялся древним грекам и самураям и потому во всём следовал им. То есть, он любил другого декабриста, понятно теперь стало? То есть, у него не все нормально было с сексуальной ориентацией. Их выслали в Сибирь – они и рады, бежать от своих жён – не было счастья, да несчастье помогло. Два голубя. А те, дуры, за ними. Все давай про баб этих трундеть – ах, подвиг, ах, за мужьями в Сибирь! А тут было другое совсем замешано, поняли? Наша дура прапрапрабабушка в Сибирь за ним, на перекладных, в слезах, платочек прижимала к глазам, «только вёрсты полосаты попадают в мгле». И что? Ехала и останавливалась в тех же гостиницах, где ее муженек останавливался по дороге в Сибирь. Никто в кандалах их не гнал – враньё. И что? И в каждой гостинице ей рассказывали про ее мужа и про его подельника декабриста, как они веселились, устраивали, простите за слово, шрекские оргии. Перевести с немецкого? Не надо, так понятно? Ну вот. А она уже на сносях. И сказала в седьмой гостинице – пять тысяч вёрст от Москвы: «Ай да провались ты на фиг, декабрист!» И всё. И осталась вот тут. В этом городе. И как грибы начали появляться мы – носферята-вампиры. *(Смеётся)*. Она тут же сочеталась гражданским браком с купцом. Он торговал гробами. Выгодное дело всегда было. Так что мы - декабристки. Но наполовину. Фальшивые декабристки, так сказать. Бабушка вывела цветок, который цветет только в декабре. Она назвала его «декабрист» и он расползся по всей России и в каждом доме цветёт в декабре. Красными слезами цветёт. Как слезы прапрапрабабушки цветёт. Чтоб мужикам не верили. Они все хотят одного ... *(Пауза)*. Ладно, не будем. Но это семейная тайна – никому ни слова об этом. Советский народ любит декабристов совсем не за это, а за другое. За что – потом скажу. Вот, берите. И это тоже. Вы не из газеты? Вы не напечатаете такой рассказ потом, нет? Ну про то, как ездила? В смысле, как наша прапрапрабабушка в Сибирь ездила, да не доехала, остановилась, с Носферату сошлась, цветок «декабрист» стала выводить, плакать слезами горькими, на «декабрист» этот глядя? Нет? А вдруг вы захотите вот такой написать сценарий новой постановки премьеры нового спектакля облдрамтеатра? Нет? Не актуально? Правильно. Все сейчас живут со всеми. Кому интересно, с кем спал сгнивший уже скелет декабриста. Никому. Спи спокойно, дорогой товарищ, с кем хочешь. Нате. Нате. Нате.

Прочапала к книжному шкафу, резко отворила дверцы – на полках нет книг, тоже тряпье. Амалия выкидывает его на пол.

Да, да, вы не из газеты, вы из театра, я вас вызвала с целью, чтобы подарить что-то, что вам приглянется. Вот, первое. Держите. Папка с вырезками из газет. От мужа. Больше ничего от него не осталось. Только это. Нет, еще фуражка с кокардой – потом найду, отдам. А это – папка. Лежит, не знаю, кому отдать. Выкинуть – жалко. Он же ж столько газет попортил, вырезал. Это не роман, нет,

это он вырезал из газет некрологи, вечерами раскладывал их на полу. На стол не влезали, разложит на пол и рассматривал, любовался. И так положит, и так положит, и так покладет, и эдак перетасует. И снова переложит, и снова перекладет. И счастливый такой засыпал. Вот, читайте: «Умер Исаак Натансон, лауреат премии ВЛКСМ. Похороны в среду». Дальше: «Ушел из жизни Ефим Розенблюм, бухгалтер больницы номер 45. Соболезнование родным. Панихиды не будет. Некогда. И незачем». Ещё: «Ушла из жизни и не вернулась Роза Катценшмузен. Прощай! Ничего не забывай! И чтоб понять мою печаль, в пустое небо посмотри!» Вот их сколько тут – тонна. И одни евреи. Он выбирал только евреев. И мне говорил: «Ты ведь жидовка. Амалия – жидовское имя. А Носферату – голый сионизм. Пригрел голую сионистку в постели!» И бил. *(Пауза, улыбается)*. У него была вяло текущая шизофрения. Это выяснилось только после того, как он помер, на вскрытии мозга. Его там не оказалось. Мозга, имеется в виду. Вернее, усох так, что присох к затылку. Маленький кусочек оказался. Это всё на почве «делириум тременс». Что значит: «Трясущееся безумие». А по-простому – «белая горячка» на почве беспробудного русского народного пьянства. А еще проще – «белочка», как в народе говорят. Прыг-прыг по веточкам – белочка.

Выкидывает вещи на пол.

О, моль как поднялась, как полетела, как крыльями захлопала! Прямо не моль, а летучие мыши, аисты, динозавры с крыльями! О, сколько добра! О, какая я богатая! Берите. Мне не надо. Пригодится для какой-нибудь премьеры постановки нового спектакля облдрамтеатра. Это редкая вещь. И еще очень редкая вещь. А это – какая редкая вещь. Еще редче. А это редчайшая. Вот еще очень редкая вещь. Знаете, что такое? Радиоприёмник «Дельфин - 18-17 дробь 34». Сбоку отбит краешек, но он работает. Скоты тараканы сели на проводки и замкнули. Но вы вставьте батарейку «Крона-23жэпэзэ57вэхатэ плюс депозит 17 серия УЦЙ» и будет работать как новая. Выпускают такие еще? Выпускают, не рассказывайте мне. Не может быть, чтобы для такой редкой вещи батарейки не выпускали. Незаменимая вещь в хозяйстве. Редкая вещь. Я слушала по ней «Голос Чили», «Свобода Австро-Венгрии», «Телеканал Аль-Джазира» и всё, что глушили. Всё было слышно, как будто они в моей квартире жили за стенкой. Вот так. Берите, берите, не смотрите так, будто мне жалко. Не жалко совсем. Немножко жалко, но не сильно. Жалко, потому что это ведь моя молодость. Ах, молодость, молодость! Я не буду вам рассказывать про молодость. Не поверите. Всё равно не поверите. Одно могу сказать, молодой человек, запомните урок Амалии Носферату: лучше один раз живого мяса покушать, чем всю жизнь мертвечиной питаться. Понимаете? *(Долго, хрипло хохочет)*. Понимаете? Нет? Не важно. Берите. Пригодится для премьеры новой постановки. Батарейку только купите и будет порядок. А нет – им, радиоприёмником этим, можно легко гвозди забивать. Где-нибудь дома, на кухне. Или в театре в своем. Где хотите. Он – железный, тяжелый. Сейчас таких не выпускают, нет.

Нашла в шкафу переливающуюся всеми цветами блестящую рубашку, надела поверх кофты, смотрит на себя в зеркало, которое в дверце шкафа установлено. Улыбается, молчит.

Вообще-то я вас вызвала, чтобы вы нашли мне какого-нибудь мальчика-фокусника. Да. Вот главное. Начинаящего фокусника. Перестаньте, я не в бреду, куда вы собрались? Никуда не пойдете, пока я вам всё не отдам. А я отдам всё. Вы еще не знаете, что у меня есть для вас. Вот, смотрите, что на мне. Блестит? Эта рубашка редкая. Рубашка-апаш называется. Сшита ручками. Каждая

чешуинка пришита к чешуинке и блестит. Это не чешуя даже, а как кольчуга. Так повернешься – блестит синим, так – белым. Так – красным. Всё сияет и сверкает. Вот почему это нужно отдать мальчику-фокуснику. Начинающему. Чешуя блестит, отвлекает зрителей и в это время можно незаметно достать что угодно из кармана. Зайца, голубя, лягушку – что хотите. Смотрите на меня, как я блещу, смотрите? И – ап!

Амалия взмахнула костью в воздухе и вынула из кармана за лапку лягушку. Кинула лягушку в воздух, лягушка крикнула, квакнула, стукнулась об пол и ускакала в угол. Амалия снова махнула рукой и вынула из-за пазухи голубя – голубь взлетел, хлопал крыльями и унесся за занавеску, запутался там, но выпорхнул в открытую балконную дверь. Амалия снова взмахнула рукой и вытащила из-за спины кролика. Кролик сел на пол и принялся нюхать ковёр. Потом застучал лапами, забарабанил и убежал под стол, исчез, растворился.

Видали?! Костюм продаётся, подарить не могу. Слишком редкая вещь. Мне давали за него четыре тысячи. А я, дура, попросила пять. И мне отказали. Нет у вас знакомого мальчика-фокусника? Ему я бы не продавала, а отдала за так. Я бы передала ему весь свой опыт. Я знаю миллион фокусов. Копперфильд – пацан передо мной. Я могу остановить солнце. Главное – надеть эту рубашку, чтобы она блестела и отвлекала бы зрителей и тогда солнце можно остановить запросто. Понимаете? И луну, и звезды, и что хочешь. *(Пауза, крутится у зеркала)*. Значит, нет мальчика-фокусника начинающего? Жалко. У меня и столик специальный на колёсиках есть для него. Для мальчика. В столике много скрытых ящичков, в которые что хочешь можно насовать. А в рубашке – редкая вещь! – сотня потайных карманов. Главное, рассказать мальчику-фокуснику, что лягушку надо дёргать за лапу осторожно, иначе можно оторвать. Тоже самое с зайцем – останется без ушей. И с голубем тоже – голову оторвать можно, если поспешить. Нет мальчика-фокусника, значит? Нет. Говорите сразу – берете? Уступлю, продам дешевле. Нет? Все хотят бесплатно. А может быть, вы дадите объявление в газету: «Требуется мальчик-фокусник»? Нет? Он бы приходил ко мне, и я бы научила его многому. Нет? Ладно. Заберите рубашку, забирайте столик так. Но вам он ни к чему будет для премьеры постановки нового спектакля в облдрамтеатре. Вы же не знаете всех тайн. Эх, молодежь, молодежь! Вам не нужен наш великий, величайший опыт. Нет, не нужен. Передать богатство некому.

Кинула в сторону кресла рубашку, выкатила из-за шкафа столик на колёсиках, толкнула его в том же направлении. Помолчала, поправила зубы.

Прошла к клетке, сдернула платок, смотрит на ворону.

Что, поганка? Разминайся давай. Шевели оковалками, сказала тебе, ты, крыса нестрояная, коза маринованная, давай, а то подохнешь без движений.

ВОРОНА. В движенъи жизнь, в движенъи!

АМАЛИЯ. Ага. Или вот засуну тебя в столик и буду фокусы с тобой показывать, за лапку вытаскивать. Мальчику-фокуснику начинающему отдам и пусть он из тебя все перья повыщипывает, ну? Ну?!

ВОРОНА. Гоша умерrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrr!

АМАЛИЯ. Халът Мауль, сказала! Заткните своё гнилое хайло, пожалуйста! У-у, крапивное семя! Смотри вот, как я отдаю всё, едрит твою дивизию! Смотри и молчи! Смейся, паяц, над разбитой душою! Была без радости любовь! Разлука будет без печали! *(Пауза)*. Обижаетесь, что не даю вам ничего крупного, да? Мелкое тоже крепко бывает – перец, соль, порох. Я даю вам лучше, что есть в

этом доме. Ворону отдать не могу. Пока. Потому что родителей и больных детей не бросают. *(Пауза)*. Поняла, ты, что я о тебе сказала?!

ВОРОНА. Я, салага, бррррритый гусь! Я торррррржественно клянусь!! Сала с маслом не едать! Старрррикам лишь отдавать!!!!

АМАЛИЯ. Ну, то-то же. Понимает иногда человек. Идём дальше. Вот – целая серия книг. Библиотечка, можно сказать. Записки декабристов, так сказать. Шучу. Это очень редкая вещь. Собрание книг, называется «Книга, которая лечит». Можете не верить, но – лечит! Просто напросто прикладываете к какому-то месту, которое болит и всё. То есть, я отдаю вам вещи не только для спектакля, но и для жизни необходимые. Не надо ходить ни к каким врачам. Привязали книгу и всё. Думаете, я выдумала это, с ума сошла? Я в своем уме. Книга продается на углу в книжном. Мне помогло, отдаю. Себе в убыток, но отдаю – чего не сделаешь для искусства ради. Это целая серия. Называется «Книга. Которая. Лечит». Понимаете? Как просто! Приложили – и ходите. Можете привязать. Можете скотчем или изолентой приклеить. Или веревкой. Или ленточкой. Или провололочкой прикрутить. Как хотите. Можете не лежать, а бегать, прыгать, лезть на деревья. Что хотите. Книга в это время лечит. Прикладываете к месту, которое болит и всё. Вот эта книга – лечит позвоночник, эта – руку, эта – ногу, эта – голову, эта – от полысения, эта – грудь, эта – спину, эта – лечит ж... - три точки. Понимаете? Читайте сами. Нет, эту я оставлю себе ещё. Нарушу, правда, вам серию, но потом зайдете, когда найдете мне мальчика-фокусника и я вам книгу отдам. Вы же обещали? Нет? Ну, а кому тогда я передам свой обширный опыт? Ладно. Берите книги. Забирайте всю серию, всю «Книгу, которая лечит». Привяжите ее к какому-нибудь «Народному артисту РФ» в какой-нибудь премьере новой постановки спектакля облдрамтеатра! Флаг вам в руки, барабан под мышку! Я сама не верила, но посмотрите на меня, как мне помогло! Лежала пластом и вдруг скачу, прыгаю!

Молчит, смотрит на всё, что лежит на полу. Тихо:

Может, поджечь всё это? А что? Запросто. Думаете, засырело, молью почакано, прокисло, не загорится? Ну да. Загорится! Ещё как! Вы не знаете, как меня огонь любит! О, как меня любит огонь! Сколько раз я зажигала всех! Жалко соседей сверху, у которых духи пропали. Богатые они, проституток вызывают. Сгорит и их богатство вместе с моим. Ладно. Не будем. Продолжим.

Вываливает барахло из ящиков письменного стола.

Вы еще не ушли? Не уходите? Не уходите, сейчас самое главное. Не уйдете?

ВОРОНА. «Собирrrrrrrрайся!» Взял он шубу, не найдёт, где rrrrrукава! А жена ему: «За грrrrrубость! За свои идёшь слова!»

АМАЛИЯ. Молчи, что ты его гонишь?

Ворона злится, грызет клювом спицы своей клетки, машет крыльями, прыгает по жерди.

ВОРОНА. Ссука, падла, кррыса, сссскотина, опять поссссуду за собой не убрррррал, декабrrрист, сукаааа, сукааааа, Гоша умерrrrrrr, сука, сука, сука, сукаааааааа!!!!

АМАЛИЯ. Слушай, а? Тебя что надирает, а?! Люди подумают, я тебя так учу! Позорит меня! Молчи, чтоб ты сдохла! Заманал не пробегал?

ВОРОНА (*тихо*). Тут потёрррррррся, к вам полёррррррррррся!

АМАЛИЯ. Я потрусь! Халът Мауль! Немецкий язык не понимаешь, нет? Вот отдам тебя в облдрамтеатр, хочешь, нет?!

Ворона молчит, пыхтит.

А-а-а! Вот! Сразу испугалась?! Вот тебя чем взять! То-то! Смотри! В облдрамтеатр отдам, там тебе покажут берег Аляски! Наденут на тебя костюм мышки или белочки, «делириум тременс» и будешь прыгать по сцене, как все артистки, поняла?!

Ворона молчит. Амалия роется в ящиках.

Паскудина, да что такое, матерится с утра до вечера, как в вокзальном туалете живу. И дразнит, и дразнит, и дразнит и дразнит, и дразнит и дразнит. Ты ужас, летящий на крыльях ночи, вот ты кто! Гореть тебе в аду, вот тебе! Маргиналка, вот ты кто! Быдло ты! На дне ты! Босьяк ты! Вот, скатерть с бахромой, старинная. От декабристов осталась. Забирайте, а то она мне напоминает семейную тайну, а я не хочу ...

ВОРОНА *(тихо)*. Пидорrrrrrrрасы ... *(Громко)*. Прrrrrродолжаем нашу перrrrrрредачу! Здрrrrrрравствуйте, дорrrrrrrрогие товарrrrrрищи телевизорrrrrrrры! «Ленин и печник»! Уррра! В Горках знал его любой! Старrrrrрики на сходки звали! Дети попрrrrrросту, гурrrrrрьбой! Чуть завидя, обступали!!!!

АМАЛИЯ. Да едрит твою дивизию, она как кухонное радио, не остановится! Ну вот. «Книгу, которая лечит» я вам отдала. Лишилась, можно сказать, одной из главных составляющих мою жизнь. У меня ведь все болезни, какие есть на свете – есть. Меня надо в книгу рекордов Гиннеса.

ВОРОНА. СПИД, чума, холерrrrrра, сифилис ...

АМАЛИЯ. Да, есть всё, кроме СПИДа, чумы, холеры, сифилиса! Я говорила вам, что лучше один раз живого мяса покушать, чем всю жизнь мертвечиной питаться? Говорила. Ну, пусть. Это ведь я теоретически рассуждаю. Потому что я всю жизнь ела мёртвое. У меня фамилия вампира. Но я не вампир. Мне звонит подружка, ей восемьдесят пять лет, а она всё кряет. Кирнёт, ей скучно становится, хочется с кем-то побазарить, звонит мне. Она работала раньше экскурсоводом и потому рот целый день привыкла не закрывать, любит всем рассказывать то, что известно всем – и про говёшки, и про лепёшки. Любит, чтоб ее слушали, в рот заглядывали, не перебивали, а от этого стала полной дурой – профессия наложила отпечаток, нельзя же никого никогда не слушать, дас хат кайне Зинн, вы понимаете по-немецки? Я забыла, как это переводится. Ихъ вайс нихт, вас золь ес бедойтен, дас бин ихъ зо трауриг ист ... Лорелея. Не знаете? Не важно. Ну так вот. Подружку эту зовут Гертруда, а может и Генриетта, а может и Лорелея – ха-ха-ха! - я ее паспорт не видела, все зовут ее Гета, ну вот, она звонит и не закрывает рот, когда кирная.

ВОРОНА. Гоша умерrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrrrr!

АМАЛИЯ. Вот, вот. Рассказывает мне всё сразу про всё. Говорит, а уже не помнит, что сказала. Говорит: «Амалия, ты знаешь, что Гоша умер? Ну, брат мой, ты ведь его знала? Вот, умер два месяца назад!» Потом что-то говорит, пройдет три минуты, и она снова: «А ты знала моего брата? Ведь он умер! Гоша-то мой – умер уже!» Через пять минут – опять: «А ведь Гоша-то помер, ты знаешь? Ты ведь его знала хорошо? Вот – умер, два месяца как!» Я говорю ей: «Гета, ты кирная?» Она не признается, говорит: «Нет!» Я говорю ей: «Ты сегодня про

своего Гошу сказала сто пятнадцать раз с половиной!» Она: «Ты не любишь моего брата, он умер!» И давай рыдать. Прорывается и опять ...

ВОРОНА. Гоша умерrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrrrr!

АМАЛИЯ. Да, едрит твою дивизию! И снова говорит мне: «Я ведь тебе забыла сказать, что Гоша мой, мой брат, ты его знала, что он – умер уже!» Тут я начинаю орать: «Старая маразматичка, алкашка, что ты ко мне со своим Гошей привязалась?!» Она кидает трубку, проходит пять минут, она снова звонит и говорит мне плача: «Добрый вечер, Амалия! Я должна тебе сказать печальную весть – два месяца не могла тебе позвонить и сказать, плакала, рыдала, не было сил набрать твой номер телефона, так вот, Амалия, милая: Гоша-то ведь, брат-то мой, умер ведь!» Я снова кидаю трубку, она снова звонит и снова кричит, пока я не кинула трубку: «Гоша умер, Гоша умер, Гоша умер, Гоша умер, Гоша умер, Гоша умер, Гоша умер!!!!!!»

ВОРОНА. Гоша умерrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrrrr! Гоша умерrrrrrrrrrr!

АМАЛИЯ. Будьте вы прокляты! Они решили меня с ума свести! Потом она опять набирает мой номер: «Гоша был хороший, не грех его помянуть хорошим словом раз и потом еще раз, и еще раз, и еще много-много раз, лучше сорок раз старуху, чем ни разу сорок раз, лучше сорок раз по разу, чем ни разу сорок раз, эх, раз, да еще раз!!!!!!» Блин, я этого Гошу видела один раз в жизни, почему я его должна поминать раз, и раз, и еще раз, и еще много-много раз?! Она мне с Гошей испортила весь остаток жизни!

Молчит, плачет, смотрит в потолок, потом на фикус, потом на ворону. Ворона молчит, грызет клетку.

Ну, что скажешь?

ВОРОНА. Не плачь. Гоша умерrrrr. Не плачь.

АМАЛИЯ. Что я должна из-за него плакать? Я его видела полпраза в жизни. Он кто мне? Гоша? Как его зовут вообще? Григорий? Георгий? Гия? Грегори? Гоголь? Ги де Мопассан? Он уже мне снится начал, этот Гоша! Придёт, встанет и стоит у кровати. И говорит мне: «Гоша-то ведь умер, ты не знала?»

ВОРОНА. Кля-rrrrrr Цеткин. Кля-rrrr Цеткин. Идите домой. Идите домой. Кля-rrrrrr Цеткин. Кля-rrrr Цеткин. Идите домой. Идите домой.

АМАЛИЯ. Держите, вот платье – красное в горошек. Пригодится. Красивое. Моё. Со вкусом. Вот шлем космонавта. Блестящий. От внука остался. Будете играть что-нибудь из жизни космонавтов, вселенной, про космос, про современность, про современную жизнь – вот и пригодится, покупать не надо будет. А то иначе снабженец оббегает весь город, пока найдёт. Вот, торшер – наклонился, выцвел, провод перевязан изолентой синей, но работает. Только смотрите, когда включаете, чтобы не ударил током. Иногда бывает. Вот целебная трава девясил! Ей сто лет, высохла, мусор уже, не трава – берите, заваривать будете девясил, который уже без сил, заваривать и пить. Вот такой же чистотел. Правда, тело чистым не сделает, только загрязнит. Грязнотел. Вот, зонтик. Без ручки – пригодится. Вот кофемолка – тоже нет ручки. Вот кружка – без ручки. Вот ручка. Не пишет. Протез ножной – сломанный. Вот ножницы – тупые, порежете ими наждачную бумагу и будут как новые, острые. Вот нож тупой – наточите. Вот дорожный знак «Уступи дорогу!», вот дорожный знак «Стоянка

запрещена!» Вот еще авторучка, сделана в тюрьме: так повернули – женщина голая в ручке, так перевернули – женщина оделась. Внутри песок. Наполовину высыпался, женщина одевается не до конца, но так даже больше всем нравится.

ВОРОНА. Кля-ррррра Цеткин. Кля-ррра Цеткин. Идите домой. Идите домой. Кля-ррррра Цеткин. Кля-ррра Цеткин. Идите домой. Идите домой.

АМАЛИЯ. Так – оделась, так – разделась. С последнего ряда будет в облдрамтеатре не видно, можно поносить по залу и показать всем. Вы обещали мне привести мальчика-фокусника, помните? Нет? Пospрашайте всех, дайте объявление. Мне обязательно нужен начинающий мальчик-фокусник. Вот так. Это – шахматы. Вам. Берите. Трех фигур нет – короля, дамы, вальта. Вот – тоже вам. Думаете, просто чистая досточка? Нет! Икона! Бог с неё стёрся, не осталось, пусто, да? Ну и что! Бог-то видит, что Бог есть на иконе! Берите! Редчайшая вещь! Необъяснимый фокус! Он есть и его нет! В театрах обычно творится разврат, у вас в облдрамтеатре нет? Вы не атеист? Ведь Бог есть, вы это знаете? Ну, так знайте. Он здесь и нигде, он есть и его нет.

ВОРОНА. Кля-ррррра Цеткин. Кля-ррра Цеткин. Идите домой. Идите домой. Кля-ррррра Цеткин. Кля-ррра Цеткин. Идите домой. Идите домой.

АМАЛИЯ. Вот, сетка с картошкой. Картошка проросла, ну да вам-то что? Вот, заряд для атомной бомбы. Как попал ко мне – не могу вспомнить. Кажется, муж своровал на службе в армии. Он был генерал, я вам говорила? Ну вот, сказала тогда. Я боюсь что-то говорить, потому что стану похожа на Гету с ее Гошей.

ВОРОНА. Гоша умерррррррр! Гоша умерррррррррр! Гоша умерррррррр! Гоша умерррррррррр! Гоша умерррррррр! Гоша умерррррррр! Гоша умерррррррррр!

АМАЛИЯ. Ты уже говорила, Гета. Ладно. Итак, для атомной бомбы. Бомбу где-нибудь приобретёте, поди. Кстати, чтоб ваш облдрамтеатр чеченцы и шахидки взорвали. Это я так, собственным мыслям что-то говорю, какое-то дружеское пожелание у меня к вашему облдрамтеатру появилось вдруг. Чеченцы ходят к вам на ваши представления, нет? Надо им написать пригласительные билеты. Пусть ходят чаще. Образовываются. Заряд для атомной бомбы лежит у меня, тоже, кстати, с пятидесятих годов. Хотела его раньше продать в Америку, но не нашла приличного покупателя. Мне давали за него четыре тысячи. А я, дура, попросила пять и мне отказали. А потом перестали глушить «Голос Чили», «Свободу Австро-Венгрии», «Телеканал Аль-Джазира» и никому мой заряд стал не нужен. Итак, идем дальше. Вот, берите ещё автомат Калашникова. Заржавел, почистить и будет порядок. Пригодится в вашем облдрамтеатре. Есть там кого пострелять? Есть. Всегда везде есть кто-то, кого надо пострелять. Автомат нерабочий. Не пользовалась. Хранила столько лет. А почему? А зачем? Надо было попользоваться. Надо было выйти на балкон, приложить автомат к плечу и зафигачить, хлестать по улице, по деревьям так, чтобы запомнили! Да не по разу в день выходить, а раза четыре-восемь! Утром-вечером-в-обед! Утром-вечером-в-обед! Утром-вечером-в-обед! Утром-вечером-в-обед!

ВОРОНА. Кля-ррррра Цеткин. Кля-ррра Цеткин. Идите домой. Идите домой. Кля-ррррра Цеткин. Кля-ррра Цеткин. Идите домой. Идите домой.

АМАЛИЯ. Скоро пойду. Пойдем вместе. Имей в виду.

ВОРОНА. Сссслужу, ссссолдат, учи уставы! И зззззанимайся стрррроевой!

Ведь где-то женщиною стала! Девчонка, что была сссссс тобой!

АМАЛИЯ. Я тебе точно отверну башку! Положу на стол, зажму и отверну и напьюсь твоей крови потом! Ты забыла, что я Носферату Амалия Львовна?! Вот, держите замок. Без ключа. Вот баночка. Без крышки. Вот корона королевы Испании. С бриллиантами. Настоящими. Вот зажигалка. Сделана из пули. Не работает. Что это жужжит? У меня в голове? Муха залетела, бьётся в стекло, жужжит, бомбовозина такая. Ну вот. Вот салфетки, вязанные. Надо? Их надо заштопать. Надо или нет? Да вы что молчите, вы хоть скажите, что вам надо для вашей премьеры новой постановки спектакля в облдрамтеатре, а?! Тут за моим домом отличная помойка, в доме живут военные и выкидывают совершенно новые вещи. Там живут люди очень богатые, тоже водят проституток, но я не слыхала, чтобы у них пропадали духи. Так вот, они иногда полностью меняют мебель, и потому выкидывают на помойку целые новенькие гарнитуры, я бы взяла себе, но некуда поставить. Вы заходите туда иногда и интересуйтесь. Пригодится что-то из выкинутого, а что? Там выбор гораздо больше, чем у меня. Но и у меня еще кое-что есть. Вот – держите. Пионерский галстук! С дыркой от сигареты! Прожгла! Вот – пуговицы с орлом! Старые! Не чищенные! Вот снова платье! Вечернее! Из люрекса! Вот – звезда. Настоящая. У меня на балконе загорелось, вызвала пожарку. Затушили. Говорят: «Кто-то сверху кинул сигарету!» Сверху – только богатые, у которых украли духи и к которым ходят проститутки, они кинуть сигарету не могли – жадные! Они вечером чинарят, а утром чинарики докуривают. От того и богатые. Я стала рыться в сгоревшем мусоре и нашла этот камешек! Он был еще теплый, я кинула его в банку с водой. Он зашипел и лежит теперь в банке! Видите? Светится? Это звезда мне упала на балкон!

ВОРОНА. «Мне звезда упала на ладошку! Я ее спрррррросил: «Откуда ты?!» «Дайте мне перррррредохнуть немножко! Я с такой летела высотыыыыы!»

АМАЛИЯ. Не на ладошку, дура! А на мой балкон! Всё равно, пусть выглядит камешком, но я-то, мы-то с вами знаем, что это звезда! Понимаете? Бог-то знает, вот что главное! Пусть все говорят, что камешек, но Бог-то, Бог-то знает! Знает, что камешек был звездой когда-то! Берите, пригодится для премьеры новой постановки спектакля в облдрамтеатре!

Идёт к шкафу, снова с остервенением кидает вещи в центр комнаты.

Вот хлопущка для мух! Сломанная! Вот часы-будильник три штуки – все не ходят, берите! Вам зачем в театр настоящие? Совсем не надо! Вам надо бутафорские! Для вас времени нет! Вот туфли на шпильке! Шпилька - метр! Компьютер! Не рабочий! Телевизор черно-белый – не работает! Семена редиски! Уже не прорастут, покупала в семидесятых! Или в сороковых-пороховых! Или в тридцатых-полосатых! Герань! У меня сто горшков. Люблю запах герани – совсем не мещанский, неправда! Она вся засохла – берите! Тут везде смерть, на каждом шагу. Ведь я Носферату, от меня, от моих прикосновений гибнет всё! Фикус в кадучке – берите! Действующий! Пока! Вот телефон – не работает! Вот молоток, топор, гвозди, клещи, гвоздодёр! Вот парик для вашей премьерши, для самой тупой, и самой глупой, и самой толстой, и самой бездарной!!!! Натё!

Сдёрнула парик – она совсем лысая и уши у нее торчат, а глаза горят фосфором.

ВОРОНА. Не надо, мамочка ...

АМАЛИЯ. Тихо ты, нестроявая, маринованная?! Всё сгнило, проржавело –

берите! Вот и это – портрет моего сына, берите его, он в рамке, он был черно-белый, но фотограф раскрасил его, анилином раскрасил, и он стал цветной – берите! Сын будто живой. Берите! Сына давно нет, погиб. Миленький мой сыночек, миленький мой ... Не дай вам Бог даже и в театре в премьерe новой постановки спектакля облдрамтеатра хоронить своего сына. Не дай Бог вам хоронить своих детей, не дай вам Бог ... *(Пауза)*. Идём дальше! Вот! Кружка – треснула! Чайник – лопнул! Веник, ложка, кастрюля, щипцы, вилка, стакан, подставка под горячее, подстаканник, зеркало, нитки, иголка, швабра, вантуз, еще одна икона, еще одна, лампочка – перегорела, картина Репина «Бурлаки на Волге», его же «Мишка в сосновом бору», бюст Репина, бюст Гоголя, бюст Сталина, бюст Ленина, бюст Пушкина, бюст Лермонтова, бюст Сергеева-Ценского, бюст Тургенева, просто чей-то бюст, газеты за пятьдесят второй год – 50 штук, журнал «Октябрь» – подшивка за семидесятый, рамка, альбом, выпел «Передовикам перестройки», политическая карта мира, карты игральные, бра, половик-кружок, кружок-половик, пепельница, бутылочка из-под валерьянки! Вот коробочка, в ней что-то такое ценное, на коробочке надпись – зараза, где очки, не разберу – ага, вот! Надпись на коробочке: «Верёвочка, которая уже ни на что не годится». Внутри – верёвочка. Она ни на что не годится, но вам – нужна в облдрамтеатре, отдаю верёвочку вместе с коробочкой и с надписью!

ВОРОНА. Ну не надо, мамочка, а то я заплачу, мамочка ...

АМАЛИЯ. Тихо, сказала?! Холодильник «ЗИЛ» – вот с такой ручкой, как Брежнев говорил, винт от самолёта Чкалова, сам самолёт, военный корабль, подводная лодка, персидский ковёр, видеокассета, аудиокассета, круг для туалета, гайка, шайба, провод, бабочки засушенные, гербарий – о, у меня тут не на одну постановку новой премьеры спектакля облдрамтеатра наберётся! – линейка, пружинка, болтик, учебник русского, учебник немецкого, учебник японского, перо от вороны, перо от павлина, кирпич, серп, молот, наковальня, утюг, герб, дуршлаг, коробок спичек, заслонка, кочерга, ухват, чугунок, абажур, расчёска, псалтырь, пластырь, гобелен с козами, апельсиновые корочки, варенье ананасное, и, конечно, берите её, ворону - вместе с клеткой отдаю!

Молчит, вытирает слезы, отбросила клюку.

ВОРОНА. Не надо, мамочка ...

АМАЛИЯ. Надо, Федя, надо. Если отдавать в театр что-то, то всё. Искусство требует жертв. Заберите всё, пожалуйста. Будете играть какую-нибудь сказку, вот ворона и пригодится - детей пугать. Тобой, нестроевая, маринованная, только детей пугать, поняла?!

ВОРОНА. Кляра Цеткин. Идите домой. Идите домой. Гоша умер.

АМАЛИЯ. Гета, ты мне это рассказывала уже. Да, детка, отдаю тебя в театр, больше некуда. Заберите ее. Вместе с богатством со всем моим. Всё треснуло, всё сгнило, всё раскрошилось, всё полезло по швам, всё испортилось, всё заплесневело, всё истлело, всё не работает. Забирайте всё.

ВОРОНА. Собирайся. Взял он шубу, не найдет где рукава, а жена ему: «За грубость за свои идешь слова ...» Кляра Цеткин. Идите домой. Гоша умер. Кляра Цеткин. Идите домой. Идите домой.

АМАЛИЯ. Забирайте всё. Если мальчика моего забрали, то и это всё забирайте. И найдите мне мальчика-фокусника, слышите?! Обязательно! Мне надо отдать

**Молчит, плачет, смеётся. Раздернула занавеску на окне балкона.
Ослепительный дневной свет упал в комнату.
Стучат трамваи. Рабочие под окном ремонтируют дорогу.
Пахнет свежим асфальтом.**

Темнота

Занавес

Конец

июль 2003 года,

с. Логиново